

разделов будет нами еще больше понято и высоко оценено при работе над историко-этнографическим атласом народов Средней Азии и Казахстана.

Для любого автора, пишущего историко-этнографический очерк, наиболее труден раздел, посвященный духовной культуре. Следует признать, что этот раздел, равно как и другие, написан на достаточно высоком научном уровне. Не вызывает возражений основной вывод автора, что все виды народного творчества дунган — фольклор, народная музыка, народные игры, прикладное искусство, народные знания и т. д. являются как бы синтезом исторических судеб дунган и взаимосвязей их с другими соседними народами. Подчеркивая, что все дунгане — мусульмане, автор сумел проанализировать доисламские религиозные воззрения (культ природы, обожествление различных растений, животных и т. д.). Однако остается неясным, кому принадлежали эти доисламские верования: ведь формирование самих дунган связано с исламом, т. е. дунган до проникновения ислама просто не существовало.

Большую идеологическую нагрузку несет в себе Заключение. Автор подчеркивает, что «только Великая Октябрьская социалистическая революция принесла народам России, в том числе и дунганам Средней Азии и Казахстана, социальное и национальное освобождение». В процессе социалистического строительства у дунган произошла коренная ломка старого быта и традиций. Если первоначально колхозы в Ирдыке, Александровке, Милянфане и т. д. были почти исключительно дунганскими, то в период бурного роста колхозного движения, особенно в послевоенный период, они стали крупными современными хозяйствами с многонациональным составом. Пышно расцвела социалистическая культура, получило дальнейшее развитие народное образование, в том числе преподавание дунганского языка. Из среды дунган сформировалась интеллигенция.

В книге приложен обширный список использованной литературы. Несомненным достоинством книги являются оригинальные рисунки орудий труда и фотографии жилищ, одежды, музыкальных инструментов и т. д.

Как уже отмечалось выше, в работе М. Я. Сушанло есть некоторые недостатки, которые при переиздании книги легко можно устранить.

Нами замечен ряд лакун в довольно полной библиографии. К сожалению, не использованы такие крупные работы как исследование А. Калимова «Дунганский язык», опубликованная в пятом томе серии «Языки народов СССР» (Л., 1968), монография П. Г. Галузо «Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг.» (Алма-Ата, 1968) и ряд других.

В книге не выправлен ряд досадных неточностей. Так, работа Линь Ганя «Об этногенезе дунган», опубликованная в 1954 г. в журнале «Советская этнография», помещена на стр. 301 в список литературы на китайском и западноевропейских языках.

Однако эти замечания не снижают общей положительной оценки работы М. Я. Сушанло.

Жаль, что работа М. Я. Сушанло издана столь малым тиражом — всего 800 экз.

А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Г. И. Анохин. Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1971, 208 стр.

Обильная норвежская аграрно-историческая и историко-правовая литература, в особенности исследования сотрудников Института сравнительного изучения культур в Осло (1920—1950-х годов), неопровержимо доказали наличие в Норвегии в не столь отдаленном прошлом соседской общины, несмотря на преимущественно дворовый, а не деревенский тип сельского поселения в этой стране, даже в докапиталистические эпохи. Накопленный материал заслуживал исторического обобщения с марксистских позиций, тем более что норвежские и другие специалисты по истории и праву Норвегии до сих пор либо описывали общинные порядки систематически, безотносительно к отдельным эпохам и периодам, либо, напротив, сосредоточивались на строго ограниченных периодах существования сельской общины в изучаемой стране.

Рецензируемая книга — первая монография автора — как раз и привлекает протяженностью своей темы — от первобытности до нашего времени. В области аграрной и социальной истории трудно назвать отечественную работу такого размаха по любой другой стране зарубежной Европы. Подкупает она и четкой постановкой вопроса: автор изучает «все виды коллективизма, проявляемые в работе, быту, формах взаимопомощи, самоуправления, который порожден общинной собственностью и является выражением жизни общины или ее пережиточных форм» (стр. 9).

Книга Г. И. Анохина основана на весьма обширной научной литературе, включая ценные журнальные статьи из малодоступных норвежских периодических изданий XIX — начала XX в., а для отдельных исторических эпох, особенно для средневековья, также и широко круг печатных источников. Раздвинутый до предела охват темы и досадная, отнюдь не по вине самого автора, недостаточность главного источника по истории общины XIX—XX вв. — полевых материалов сотрудников норвежского Института сравнительного изучения культур — помешали автору с равной степенью глубины

изучить все ступени развития и распада общинных учреждений и традиций (вне его поля зрения остались, например, средневековые крестьянские гильдии Норвегии¹). Тем не менее, автор успешно разрешает основную часть своей задачи. После обстоятельного разбора во вступительной главе (гл. 1) литературы (на тридцати страницах) и более беглого — первоисточников, он прослеживает смену различных видов общины, общинных традиций и их остатков в условиях первобытной и древней Норвегии (гл. 2), в средневековье (гл. 3), новое и новейшее время (гл. 4). Г. И. Анохин при этом открывает множество неожиданных для советского читателя, в том числе для историка и этнографа, общественных явлений и заполняет существующие крупные пробелы в нашей литературе по истории Норвегии.

Прежде всего, автор с большой самостоятельностью и знанием материала обсуждает крайне темный (ввиду полного отсутствия письменных данных) вопрос о поземельной общине в древней Норвегии. Разбор археологических материалов неолита, бронзы и железа бесспорно заинтересует читателя, которому глава дает возможность впервые познакомиться со своеобразной первобытной историей Норвегии, с крайне глубоким культурно-типологическим разрывом между заполярным севером и остальной, в частности южной, частью этой страны. Вполне правдоподобно мнение автора о том, что уже в эпоху «каменно-бронзового» века в Норвегии (после 1500 г. до н. э.) возникли общинное землевладение и землепользование в рамках семейной общины (стр. 57).

После «великого переселения народов» IV—VI вв. н. э. характер норвежских поселений становится куда яснее для исследователей, а вместе с тем проявляется, хотя и в несравненно меньшей степени, облик общины². По-видимому, то было преимущественно хуторское поселение патриархальной большой семьи, наряду с которым налицо и следы более поздних — уже деревенских поселений (стр. 71 и сл.). Между семейными общинами существовали, полагает автор, и в позднем железном веке общинно-соседские и соседско-родственные отношения. В данных топонимики, самостоятельно им толкуемых, Г. И. Анохин находит доказательства бурного распада общинно-родовых отношений, особенно в эпоху викингов (VIII—XI вв.), признаки выделения больших и малых патриархальных семей, уже наследственно владеющих своей пахотной землей и сообщая с другими семьями использующих общинные угодья — альменнинг.

Образование раннефеодального государства, христианизация и, как следствие того и другого, появление в XII—XIII вв. многообразных письменных источников позволяют автору осветить интересные его вопросы с куда большей определенностью и обстоятельностью, чем дописьменную эпоху. Глава 3, посвященная семейной и соседской общинам средневековой Норвегии, занимает в книге центральное место — ей отведена половина основного текста. Глава, повторяем, строится на самостоятельном изучении первоисточников — памятников обычного права в первую очередь, а также саг, грамот, королевского законодательства. Композиционным просчетом автора является, однако, его сосредоточение на раннем норвежском средневековье, уже в значительной мере изученном под углом той же проблематики другим советским ученым — А. Я. Гуревичем, причем с большей, чем у Г. И. Анохина, глубиной проникновения в оригинальные древноревежские тексты и в специфическую проблематику варварского и раннефеодального строя.

Разумеется, «повторный эксперимент» нашего автора отнюдь не бесполезен. В целом ряде частных пунктов ему, как профессионалу-этнографу, знатоку кровнородственных отношений, и просто как самостоятельно мыслящему исследователю, удастся поправить своего предшественника. Так, шагом вперед представляется употребление Г. И. Анохиным в споре с А. Я. Гуревичем нового для нашей скандинавистики понятия хуторской общины как норвежской разновидности общины соседской (стр. 39, 181). Это позволяет избежать смешения такой малой соседской общины (ср. норв. «grend», «gårdssamfunn» и англ. «farm community») с большой, марковой. Заслуживает внимания и авторская критика истолкования важных понятий «лендрман», «хольд», «бонд» в судебнике Боргартинга у А. Я. Гуревича (стр. 90—91)³. Особенно же плодотворен в этой части работы Г. И. Анохина его разбор проблем большой семьи и патронимии на материалах законов Фростатинга и Гулатинга, когда наш автор уточняет (ср. его схему родственных связей после стр. 110) наблюдения А. Я. Гуревича, сделанные на более узкой базе.

К сожалению, в большинстве других случаев полемика Г. И. Анохина со своим предшественником кажется рецензенту натянутой, если не вовсе беспредметной. В основных выводах оба советских ученых-марксиста согласны друг с другом, так что полемический пафос Г. И. Анохина больше оживляет изложение, чем проясняет суть дела. Так, например, он упрекает А. Я. Гуревича в том, что последний как бы оторвал

¹ О. А. J o h n s e n. Norges bønder. Oslo, 1936, s. 129—138.

² При чтении страниц главы, посвященных позднему железному веку в Норвегии — I тысячелетию н. э. у читателя может сложиться ложное впечатление, будто германские племена впервые попали в Скандинавию в IV—VI вв. (стр. 62—64). На самом деле общепризнано, что пришельцы были близкими родственниками старожилов. Те и другие принадлежали к германским племенам, проживавшим в Норвегии еще до нашей эры. Ср.: A. W. B r ö g g e r, Kulturgeschichte des norwegischen Altertums, Oslo, 1926, S. 194, 207—208.

³ См. статью А. Вøе «Hauldr», в кн. «Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder», Bd VI, København, 1961, S. 252.

семейную общину (большую семью) от ее окружения, изучал ее не как частицу общины соседской, а в изоляции (стр. 34, 38, 82). Свой упрек Г. И. Анохин подкрепляет ссылкой на статью А. Я. Гуревича, посвященную патриархальной большой семье, и лишь скороговоркой отмечает другую статью, целиком посвященную соседской общине⁴, либо критикуя пробелы в третьей статье, посвященной примерно тем же вопросам, умалчивает как раз о той ее части, где говорится о соседских отношениях между домовыми общинами⁵. В другом месте Г. И. Анохин, справедливо настаивая на приложимости термина «соседская община» к Норвегии, делает это в такой полемической манере, что непосвященный читатель решит, будто другие специалисты, начиная с того же Гуревича, полагают иначе (стр. 35). Своего оппонента автор книги упрекает даже в ложном толковании понятия «альменнинг» только как общинного пастбища (стр. 36). Трудно, однако, допустить столь грубый промах у опытного медиевиста. И действительно, на той же странице, какую имеет в виду наш критик, читаем: «Горные пастбища, леса и воды, в том числе фьорды и море, входили в состав общинных земель, называемых в сборниках права *almepningr*». Далее, на стр. 116—117 Г. И. Анохин оспаривает точку зрения Гуревича на порядок наследования в северо-западной Норвегии⁶, однако почему-то подкрепляет свои доводы ссылками на законы юго-западной Норвегии.

Степень новизны, а следовательно и ценности излагаемого материала, резко возрастает, когда автор от раннего средневековья обращается к позднему и, в частности, проясняет смысл раннесредневековых правовых норм с помощью позднесредневековой деловой переписки или наблюдений историков, юристов и этнографов над норвежской сельской жизнью нового и даже новейшего времени (например, стр. 134 и сл.). Автор с большим знанием дела прослеживает судьбы и видоизменения обычаев крестьянской взаимопомощи на протяжении веков. Труднее оказалось найти в источниках данные о деятельности соседской общины как таковой (стр. 144 и сл.). Приводимые автором сведения о различных *bygdelağ* и *tinglağ* относятся к более крупным административным единицам — волостям (уездам), самое меньшее — к марковым общинам, связанным лишь альмендой. На более низком уровне отдельных поселков и тем паче хуторов наличие прочной общинной организации, регулярных сходов, не говоря уж о судебных собраниях, остается недоказанным (стр. 146—147)⁷. Отдельные этнографические находки норвежских коллег Г. И. Анохина не меняют общей картины.

В случае продолжения начатого исследования следует пожелать автору сосредоточиться именно на норвежском позднем средневековье и раннем новом времени, когда, с одной стороны, общинные распорядки еще продолжают набирать силу, а с другой, в изобилии имеются печатные источники (см. ниже). Как это ясно видно из главы о новом и новейшем времени, таких источников автору не хватает: больше половины ссылок в гл. 4 сделано на один выпуск «*Scandinavian Economic History Review*» (1956, v. IV, № 1) и на популярные русские пособия. Это положение не в последнюю очередь объясняется упадком самих общинных институтов с середины XIX в., по мере огораживаний и упразднения чересполосицы⁸. Тем не менее очерк общинных традиций и пережитков в современной буржуазно-фермерской Норвегии, как и обзор ее аграрного развития вплоть до наших лет, полезен для читателя. Автор, например, показывает судьбы древнего института наследственной земельной собственности — удела (одаля). Советский читатель впервые знакомится с историей норвежских огораживаний — так называемых межевых реформ. К своему удивлению, он узнает, что в стране пресловутого крестьянского индивидуализма (вспомним «Соки земли» Гамсуна) и в наши дни встречаются общинные пашни (стр. 184).

Рецензируемая книга, таким образом, содержит множество полезнейшей информации и заполняет важный пробел в советской аграрно-исторической литературе. Вместе с тем можно предъявить автору ряд претензий. Прежде всего, при подготовке кандидатской диссертации к печати необходимо учитывать вышедшую со времени защиты литературу, в данном случае — второй половины 60-х годов. Далее, памятуя не раз отмечаемый самим автором дефицит источников, сожалешь о его явно недостаточных розысках в наших библиотеках. Так, в ГПБ им. Салтыкова-Шчедрина нетрудно найти печатный сборник «Сто крестьянских правил» Норвегии XVII в., и даже неизданные путевые заметки о шведском путешествии в Норвегию середины XVIII в.⁹

⁴ А. Я. Гуревич, Норвежская община в раннее средневековье, «Средние века», вып. XI, М., 1958.

⁵ А. Я. Гуревич, Арханческие формы землевладения в юго-западной Норвегии в VIII—IX вв., «Уч. зап. Калининского гос. пед. ин-та», т. 26, Калинин, 1962, стр. 158—162.

⁶ А. Я. Гуревич, Большая семья в северо-западной Норвегии в раннее средневековье по «Судебнику Форстинга», «Средние века», вып. VIII, М., 1956, стр. 78.

⁷ См. статью Н. Björkvik «Bystævne», в кн. «Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder», Bd II, København, 1957, S. 447.

⁸ Ср. «Jordskifteverket gjennom 100 år», Oslo, 1959.

⁹ «100 gamle bunde regler... 1687», Kristiania, 1914; «Iter Norvegicum eller resa till Norge med åtskillige annmärkingar... 1759 och 1760 af Anton Rolandson Marten» (ГПБ, historia in folio № 28).

Из поля зрения автора-этнографа выпало множество опубликованных путевых записок по Норвегии, включая столь примечательные в этнографическом плане, как записки К. Линнея и особенно Т. Мальтуса¹⁰. И напротив, его единственный источник этого рода — переводное «Путешествие в северные страны» де Ламартиньера XVII в. — лишено для данной темы всякой ценности. Мог быть расширен и круг привлекаемых норвежских публикаций источников по аграрной истории XVI—XVII вв.¹¹ Поскольку в средневековой главе автор пользуется попеременно оригинальными и переводными изданиями древних текстов, следовало всякий раз уточнять это обстоятельство, а не оставлять читателя в неведении (например, стр. 83 и сл.). Ведь тот или иной перевод датнорвежских судейников есть уже их толкование! И наконец, книге явно не хватает географических карт и схем.

А. С. Кан

¹⁰ «The Travel Diaries of Thomas Robert Malthus», Cambridge University Press, 1966. Ср. рубрику «Путешествия по Норвегии» в предметном указателе к известному библиографическому справочнику: Hj. Pettersen, Norge of nordmaend i udlandet literatur, Saml. 1—3, Christiania, 1908—1917.

¹¹ Ср.: «Kilder til norsk historie 1560—1940», Oslo, 1968.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Городская жизнь стран Переднего Востока в освещении французской школы «географии человека» («Revue Geographique de L'Est. 1969, t. IX).

В сдвоенном 3—4 номере за 1969 г. французского журнала «Revue géographique de l'Est» (издается совместно университетами Безансона, Дижона, Нанси, Реймса и Страсбурга) опубликована интересная подборка о городах Ближнего Востока и их населении. В нее входят пять крупных статей: из них две касаются городов Турции, две — городов Ирана, пятая характеризует население Каира. Кроме того, в этом же номере есть несколько мелких публикаций и рецензий, среди них стоит отметить обзор литературы о номадизме (К. Планьоля), который публикуется в журнале уже в течение ряда лет.

В данной рецензии рассмотрена подборка статей французских географов, посвященная городам Переднего Востока.

Журнал открывает очерк Ксавье де Планьоля «Принципы географии городов Малой Азии». По содержанию он, однако, много уже своего заглавия. Опираясь на данные топонимики, автор довольно поверхностно анализирует соотношение дотурецкого субстрата и инноваций, привнесенных волнами турецких пришельцев в анатолийские города. В очерке устанавливается сравнительно слабое турецкое влияние на топонимику более крупных звеньев городской сети (из центров вилайетов менее 1/4 имеют турецкие названия), в то время как названия более чем 2/3 центров каза турецкого происхождения (это различие иллюстрируется картой). Вся иерархия городов рассматривается в свете теории «центральных мест».

Автор отмечает в качестве одной из историко-географических особенностей городской жизни существование в мелких городах многих элементов сельского быта (он вообще считает, что османские инновации сильно «фурализировали» Анатолию по сравнению с византийской эпохой). В очерке показана историческая неустойчивость многих городов, временами терявших часть своего населения. Как общая тенденция констатируется сдвиг городского населения в долины с возвышенных местностей, куда раньше его привлекали удобства обороны и сохранение полукочевых форм горного животноводства. Автор подчеркивает еще и особую тягу людей к воде. С наивным автропогеографизмом он видит в этом «свойство» заселивших Малую Азию этносов («Степняки-турки очень любили селиться у проточной воды и зеленеющих лугов, они быстро покидали городские агломерации, которые становились во время потрясений, связанных с завоеванием, сухими и пыльными и устраивались поближе к воде, стр. 262). Характерно, как отмечено в очерке, стремление жителей анатолийских городов иметь летние жилища за городом («городские яйла»). Вся статья типична для немного подновленной (в частности, за счет восприятия модной для буржуазной географии населения теории «центральных мест») французской школы «географии человека». Представители этой школы удачно схватывают отдельные черты, анализ в их трудах несомненно носит исторический характер. Однако они явно не умеют вскрыть производственную обусловленность всей картины расселения. В рассматриваемой статье производственная основа городов Малой Азии также обойдена почти полным молчанием.

В несколько более реалистичной манере написана статья Марселя Базена об Эрзеруме. Это — довольно яркая и полная монографическая характеристика города. Стоит отметить умелый анализ особенностей географического положения Эрзерума (в особенности по отношению к историческим путям и природной среде). Значительное внимание уделено динамике этнического состава и занятиям населения в настоящее время. Широко используются данные переписей (по последней переписи 1965 г. в городе насчитывалось 105,3 тыс. жителей), автор характеризует социальные типы горожан, говорит, за счет каких вилайетов рос город. Показаны торговая, ремесленная и индустриальная роль Эрзерума (в последние годы), его значение как военного цен-